

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

© 2015 С.Н.Заплетина

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева
(национальный исследовательский университет)

Статья поступила в редакцию 28.10.2014

В статье представлены результаты теоретического анализа психосоциального феномена филантропии, взаимообусловленности психической формы этнического самосознания и мотивов благотворительности в России в историческом контексте, изложены авторские представления о концептуальных подходах к благотворительности как социально-духовному творчеству индивида и социальной технологии социально-ориентированного бизнеса на пути к устойчивому развитию и прогрессу.

Ключевые слова: благотворительность, психическая форма самосознания, социально-нравственная мотивация, эффективная социальная технология, социальная ответственность бизнеса, социальный прогресс.

В начале XXI века благотворительность переживает свой «золотой век». Мировой финансовый кризис и затянувшаяся рецессия мало отразились на филантропии. При этом потраченные на филантропические программы только в 2012 году \$ 360 млрд. не обеспечили сокращения пропасти между 1% сверхбогатых людей и остальными 99% населения. Экономическое и социальное неравенство продолжают оставаться глобальными рисками планеты¹. Принимая во внимание реальный уровень жизни населения России (около 30% относится к бедным)², отметим, что общественные ожидания благотворительной помощи со стороны бизнеса представляются, по меньшей мере, логичными. Актуальность благотворительности оказалась следствием сформировавшегося за четверть века весьма успешного, но не всегда законопослушного и этичного бизнеса. Однако в благотворительности во все времена усматривалось, как большое благо для многих, так и одновременно источник социального и морального зла.

Цель исследования – выявить социально-психологические аспекты и рациональные подходы к благотворительности в России в общем контексте

проблемы. Уточним содержание понятия феномена благотворительности. Благотворительность (филантропия) – деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, как живущим в нужде, так и испытывающим недостаток в дополнительных средствах для реализации личных и профессиональных интересов, для решения общественных проблем и усовершенствования условий общественной жизни.³ Рассмотрим социально-психологические аспекты благотворительности.

В процессе формирования менталитета русских нашли отражение несколько факторов: особое геополитическое положение России – огромная территория, требующая охраны и защиты; буферное положение между Востоком и Западом; холодный климат и самая большая в мире амплитуда колебания температур и др. привели к формированию ряда особенностей национального самосознания. Это и особая широта и бескрайность русской души, воспетая поэтами, великодушие русских, способность жить долгое время в условиях «осажденной крепости», щедрость и способность прощать и др. У русского народа милосердие, благотворительность испокон веков были не просто выражением бескорыстия, а личным стремлением человека к духовному очищению через помощь слабому и нуждающемуся. Посему и не было принято в давние времена оповещать мир о своих добрых деяниях. Русским, как никому другому, оказалось созвучным библей-

⁰ Заплетина Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных систем и права.

E-mail: zapletina@ssau.ru

¹ Исследование Oxfam International. Глобальное экономическое неравенство угрожает общественному прогрессу // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/01/21/6580>

² Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад 20.06.2013. Институт социологии РАН // Сетевой научный журнал «Вестник Института социологии» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru>

³ Апресян, Р.Г. Филантропия: милостыня или социальная инженерия? / Р.Г.Апресян // Общественные науки и современность. – 1998. – №5. – С. 51.

ское назидание: «творя милостыню, не труби перед собою».

Особенностью русской этнической общности является своеобразная «МЫ-психология» – универсальная психическая форма самосознания, проявляющаяся в восприятии себя не как отдельной самодостаточной единицы, а как части общего, целого, в разделении ответственности на всех, при этом «коллективное смирение» дается народу легче, чем «жертва теплом и уютом национальной стихийной жизни»⁴. В национальном самосознании русских издавна страдание имело высший духовно-религиозный смысл. Потребность страдания – «самая коренная духовная потребность русского народа»; «даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него не полно», «страданием своим русский народ как бы наслаждается»⁵. Страдающий очищается от греховности и приближается к блаженству. Исторически неизбежное подавление и угнетение русского человека (Л.В.Милов)⁶ наложило свой отпечаток на русскую психологию, предопределив глубинное понимание необходимости принадлежать к социуму, соборности, подчинения, смирения и терпения, и одновременно желание обрести свободу. Западная индивидуалистическая философия жизни и понимание смысла земного бытия в материальном благе не могут удовлетворить потребность русской души, русская душа не терпит психотехнического управления, требует свободы, спонтанности и катарсического разрешения всех внутренних противоречий. «Русская душа сгорает в пламенном искании правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни»⁷. Архетипичные черты русских, для которых важнее верование, чем рефлексия, правила морали, чем закон, страдания, чем радость, переживания грусти, чем счастья, предполагают сопереживание, сострадание, милосердие и ответственную, идущую от сердца, помощь ближнему.

Под влиянием меняющихся исторических условий претерпевает изменения форма оказания помощи ближнему, ее ценностно-мотивационные основания, но центральной остается идея милосердия: от милостыни до организованной системы общественного призрения. Милосердие как «милость сердца», «способность к сочувствию» предопределяет социальное действие – бла-

готворительность, ценность которого измеряется искренностью душевного порыва. Данный психосоциальный феномен – внутреннее стремление человека помочь другому, в силу тех или иных причин бедствующему, по сути, составляет основу православного учения о милосердии. Православное направление христианства, ставшее формой интеграции древнерусской цивилизации, соединившее причудливо языческие верования, традиции и каноны христианства, выдвинуло на первый план идею спасения души через милосердие и благотворительность. Милосердие становится средством религиозного самовоспитания, «необходимым условием личного нравственного здоровья», способом духовного самосовершенствования. На Руси народ не считал нищенство позорным занятием, не дать просящему кусок хлеба считалось тяжким грехом, так как через нищего «милость оказывалась самому Богу». Подавая милостыню, дающий исполнял нравственный долг перед самим собой и перед обществом.

Постепенно происходила эволюция взглядов, в понимании благотворительности с нравственного долга акцент смещался на социальную обязанность. Пожертвования купцов и промышленников традиционно направлялись на развитие образования (строительство школ, училищ, создание фондов и поощрительных стипендий и т.п.), поддержку приютов призрения престарелых и сирот, как помощь церкви и монастырям. Филантропические устремления во многом определялись мировоззренческими установками и социально-психологическими особенностями купечества, его значительная часть принадлежала к выходцам из крестьянства и городских низов. Тяготы крестьянской жизни были ведомы купцам, основу их духовной жизни составляли народные традиции и обычаи, религиозные православные представления. Примечательно, что старообрядчество, одобряя нажитое честным трудом, не мирилось с несоблюдением моральных норм и жизненными излишествами. Жертвование являлось искуплением греха, в том числе за неправедно нажитое богатство: многие крупные благотворительные пожертвования были сделаны российскими предпринимателями в своих духовных завещаниях в виде вечных вкладов. Городская дума и городской общественный банк расходовали эти вклады согласно воле завещателей. Как правило, условием завещания являлось регулярное упоминание имени жертвователя во время церковных служб и увековечивание имени дарителя. Совершая благотворения, российские предприниматели стремились оставить память для потомков, заслужить похвалу, не в последнюю очередь, удовлетворяя свое тщеславие.

⁴ Бердяев, Н.А. Судьба России. Книга статей (1914 – 1917) / Н.А.Бердяев. – М.: ЭКСМО, 2007. – С.22.

⁵ Достоевский, Ф.М. Изыскания и размышления / Ф.М.Достоевский. – М.: 1983. – С.235.

⁶ Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса / Л.В.Милов. – М.: РОСПЭН, 1998. – С. 554 – 572.

⁷ Бердяев, Н.А. Судьба России.... – С.25.

Филантропия носила традиционно-личностный характер, сопряженный с религиозностью, желанием обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Погоня за прибылью, с одной стороны, и религиозно-моральные предписания «любви к ближнему», нестяжания, с другой, предопределяли неизбежно состояние когнитивного диссонанса, психологического дискомфорта. В рамках старокупеческой традиции с детства внушалось: главное – служение делу, а не нажива. Чтобы получить социальное признание, предприниматели стремились в сферу общественного призрения и благотворительности. Из купеческой среды избирались попечители учебных заведений, больниц, библиотек, театров. При этом учитывалась морально-нравственная характеристика человека, претендующего на оказание благотворительной поддержки. Оценочно-избирательный подход к жертвователям определял благотворительность и как нравственную, и как социальную категорию.

Обращаясь к мотивам благотворительности предпринимателей конца XIX – начала XX вв., исследователь московского купечества П.А.Бурьшкин писал, что в России «самое отношение предпринимателя к своему делу было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только, или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые и смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного дела»⁸. Для одних это был порыв души, стремление облегчить участь оказавшихся на обочине жизни, желание обогреть сырых и убогих, для других – средство усыпления совести, снискать похвалу и авторитет⁹. При этом возникает логичный вопрос: нужно ли забирать деньги у одних, обеспечивая себе как бы нетрудовую прибыль, когда деньги делают деньги и т.д., чтобы раздавать их на благотворительные цели в виде милостыни другим?¹⁰ Действительно, пара-

докс. Одни – это наемные рабочие, другие – нищие. «Любовь к ближнему» для русских предпринимателей распространялась не на действительно ближних – своих рабочих, которые жестоко эксплуатировались, а на людей, для многих из которых нищенство стало профессией.

П.Бурьшкин в своих исследованиях отмечал, что Алексей Иванович Хлудов, по отзывам людей, близко его знавших, был «человек неподкупной честности, прямой, правдивый, трудолюбивый, отличавшийся силой ума и верностью взглядов»¹¹. При этом, анализируя причины рабочего бунта в 1880г. на ткацкой фабрике Хлудовых в Ярцево, другой историк К.Пажитнов отмечал, что владелец фабрики Хлудов (тот самый Алексей Иванович Хлудов), наживший миллионы, по купеческому обычаю думал и о спасении души. Незадолго до «истории» он сделал пожертвования в 12000 рублей на поддержание типографии, печатавшей богослужебные книги для старообрядцев. Условия работы на фабрике Хлудовых были тяжелые: хлопчатобумажная пыль; удушливая жара и запах; огромные штрафы; выплата жалования съестными припасами и одеждой из хозяйских лавок – все это и привело к бунту. Хлудов в присутствии генерал-губернатора обещал отменить снижение зарплаты, но потом от обещания отказался. Мало того, в 1882г. во время пожара на хлудовской мануфактуре по распоряжению директора рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучше тушили пожар. В результате – семь возов трупов¹². Глубоко религиозный Хлудов нарушил важнейшие христианские заповеди: «не лжесвидетельствуй», «возлюби ближнего своего», «не убий». В его действиях явное противоречие – забирал у одних, чтобы отдать другим. Данное противоречие можно объяснить, обратившись к социальным мотивам предпринимателей – жертвователей¹³. Об этих мотивах рассуждает Т.Веблен. Для уважения людей недостаточно обладать лишь богатством и властью, их нужно сделать очевидными. Веблен рассматривает способы демонстрации богатства: праздная жизнь как яркое свидетельство денежной силы; квазинаучная и квазихудожественная образованность; этикет, утонченный вкус. Завершает этот список демонстративное потребление дорогих вещей и расто-

⁸ Бурьшкин, П.А. Москва купеческая / П.А.Бурьшкин // Кузьмичев Д.А., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – С.152.

⁹ Сущенко, В.А. История российского предпринимательства / В.А.Сущенко. – Ростов на/Д.: ФЕНИКС, 1997. – С.124.

¹⁰ Хорькова, Е.П. История предпринимательства и меценатства в России / Е.П.Хорькова. – М.: ПРИОР, 1998. – С.439, 446.

¹¹ 1000 лет русского предпринимательства. – М.: Современник, 1995. – С.313.

¹² Пажитнов, К. Положение рабочего класса в России / К.Пажитнов. – СПб.: 1908. – С.13, 14 – 15.

¹³ Тазьмин, Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях / Ю.Н.Тазьмин // Социологические исследования. – 2002. – №2. – С.92 – 97.

чительство¹⁴. Благотворительность русских предпринимателей имела в своем основании не только, а подчас не столько заботу о душе, но была отражением их богатства, власти, демонстративного потребления и расточительства, в том числе в религиозной области – щедрое строительство храмов и богаделен.

Отметим, в благотворительности, как правило, проявляются как гуманистические, так и эгоистические мотивы. Так, здания, построенные на пожертвования предпринимателей, во многих случаях отличает показная роскошь: главный больничный корпус в Бонячках у А.И.Коновалова; Бахрушинский дом бесплатных квартир в Москве; богадельни Хлудовых и Бахрушиных в Москве; приют для вдов и сирот русских художников П.М.Третьякова в Москве имеют заметные приметы роскоши или «повышенной» благоустроенности. Жилищные условия большинства населения в то время были тяжелейшими. По материалам обследования жилого фонда Москвы в 1898г. «из миллиона населения тогдашней первопрестольной 200 тыс. человек, то есть 1/5 проживали в так называемых «коечно-каморочных квартирах». Многочисленные жильцы снимали в них «каморки» (помещения с перегородками, не доходящими до потолка) и отдельные койки... при зарплате рабочего 12 – 20 руб. в месяц «каморка» стоила 6 руб., койка одиночная 2 руб. и 1,5 руб. – «половинчатая», на которой спали поочередно рабочие разных смен. Жизнь в таких покоях порождала у рабочих постоянный психологический стресс, который проявлялся в агрессивности по отношению к хозяевам¹⁵. Видом традиционного расточительства являлось и коллекционирование.

Меценатство и благотворительность русских предпринимателей можно оценивать по-разному. Не в последнюю очередь благодаря их деятельности русская культура на рубеже XIX – XX вв. переживала полосу расцвета. Однако преобладание мотивов демонстрации богатства и власти, стремления к общественному признанию посредством «демонстративного потребления» и «расточительства» над мотивами «искупления греха» и «духовного очищения» в среде российской буржуазии привело к обнищанию русского пролетариата, окончательной деструкции социально-психологических отношений. В итоге социальный конфликт завершился разрушением

социальных связей – революцией с многочисленными жертвами и материальными потерями. В этой связи требование к современному российскому бизнесу «полюбить ближнего» в лице своего наемного работника, обеспечить ему достойный заработок, безопасные условия труда, экологическую безопасность и качество продукции для потребителя в противовес громким рекламируемым разовым пожертвованиям представляется весьма актуальным.

Основываясь на результатах исследований социально-психологических характеристик современных российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности, можно сделать вывод о том, что высокая субъективная значимость таких ценностей, как независимость и материальная обеспеченность, богатство, собственность, деньги, позитивно влияет на уровень деловой активности предпринимателей¹⁶. Вместе с тем, эмпирические исследования показывают и другую тенденцию: ориентация на материальные интересы и предпочтение их духовным отрицательно коррелирует как с общей удовлетворенностью жизнью, так и с удовлетворенностью отдельными ее сферами: семьей, карьерой и др. Люди, придающие первостепенное значение финансовому успеху и высоко оценивающие свои шансы на его достижение, менее удачливы в самореализации, чаще страдают от депрессии и чувства тревоги. Данная закономерность характерна для экономически развитых социумов, где реализация потребности в самовыражении является основой удовлетворенности собственной жизнью в целом¹⁷. Для лиц с высокой степенью стремления к изменению окружающей действительности основным мотивом становится реализация собственных способностей в познании мира и творчестве. Эта группа демонстрирует наибольшую эмоциональную удовлетворенность жизнью¹⁸. В этой связи отметим, что интерес и расположенность к благотворительной деятель-

¹⁶ Позняков, В.П. Социально-психологические характеристики российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности / В.П.Позняков // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №4. – С.212 – 220.

¹⁷ Корокошко, И.О. Влияние уровня дохода на субъективное благополучие личности (обзор отечественных и зарубежных исследований) / И.О.Корокошко // Сб. материалов V Межд. научно-практич. конф. молодых ученых «Психология XXI века», 19 – 20 ноября 2009 г. – Т.1. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2009. – С.330 – 335.

¹⁸ Корокошко, И.О., Корокошко, Ю.В. Исследование экономического поведения личности в условиях креативной экономики/ И.О.Корокошко, Ю.В.Корокошко // Креативная экономика и социальные инновации. – 2013. – Вып. 3. – №1(4). – С.27.

¹⁴ Веблен, Т. Теория праздного класса / Т.Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – С.84.

¹⁵ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.124.

ности также можно рассматривать как стремление к самовыражению и творчеству, духовному самосовершенствованию, поиску внутренней и внешней гармонии с самим собой и миром.

Благотворительность непосредственно связана с такими личностными категориями морального сознания, как долг и совесть, честь и достоинство. Обращение к этим категориям позволяет уяснить превращение социально-нравственных требований в морально-психологические дилеммы конкретного индивида. Долг и совесть, являясь основанием морально-психологического механизма самоконтроля, определяют социальную ответственность личности. В основе истинной благотворительности – глубокое осознание нравственного долга, превращение требований общественной морали, основанной на идее справедливости, в личный императив: «Моя идея была с юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь»¹⁹.

«Иерархия ценностей задает жизненные ориентиры личности, формирует отношение к ведущим сферам человеческого бытия» (С.Л.Рубинштейн)²⁰. Источником долга является общественный интерес, в основе благотворительности – осознание общественного интереса, суть которого – деятельное участие человека в осуществлении социальной справедливости. Одновременно в благотворительности как в созидательном социально-духовном творчестве личность получает возможность реализовать потребность и свой частный интерес в признании, известности, славе, самовыражении.

Отметим, благотворительность является социальной технологией перераспределения «общественного пирога» и имеет первостепенное значение для дарителей, как инструмент признания и исполнения нравственного долга, а также государства, представляющего общий интерес социума. Последнее весьма актуально в условиях современной России с ее высоким уровнем поляризации богатства и бедности²¹. Попытаемся уяснить, насколько в социально-психологическом

аспекте благотворительность эффективна для решения проблем получателей помощи.

В обществе всегда были и останутся люди, которые по тем или иным объективно-субъективным причинам-ограничениям не смогут, реализуя свое право на жизнь, отказаться от «социальных даров», как со стороны государства, так и со стороны частных лиц. Однако приучение значительной массы людей к «подаванию» уничтожает мотивацию к самореализации в активном социальном творчестве, самосовершенствованию и духовному росту. Жизненную перспективу теряет не только конкретный индивид, но и общество в целом. В разные периоды истории разных стран и народов эту закономерность отмечали и теоретики-мыслители, и практики-преобразователи национальной жизни и национального духа. Так, Петр I на рубеже XVII – XVIII вв. предпринял наступление на частную благотворительность, потворствующую социальной и духовной лени России, предложив взамен упорядоченное оказание социальной помощи нуждающимся усилиями монастырей и вновь создаваемых им государственных служб. Петру была нужна не прозябающая, но Великая Россия, народ-строитель национальной судьбы. Спустя почти 200 лет вслед за русским монархом великий американец – промышленник Г.Форд выступил с убедительной проповедью о губительной для американской нации ориентации на решение проблем нуждающихся за счет благотворительных подачек вместо выковывания «духа самоуверенности», «уверенного самосознания твердой самопомощи»: «Люди нередко жалуются на неблагодарность тех, кому они помогли. Нет ничего естественнее. Во-первых, в том, что носит название «благотворительность», очень мало подлинного, идущего от сердца сочувствия и заинтересованности. Во-вторых, никому не нравится быть вынужденным получать милостыню. Такая «общественная помощь» создает напряженное положение, берущий излишки чувствует себя униженным подачкой... Благотворительность никогда еще не разрешала задачи на сколько-нибудь длительный срок»²². Г.Форд был убежден в том, что, основанная на служении промышленность, делает излишней всякую благотворительность, а филантропия, несмотря на благороднейшие мотивы, не воспитывает необходимой для дела самоуверенности. В хорошо организованной промышленности всегда найдутся рабочие места для калек, хромых и слепых. Залог процветания нации – в преодолении страха, «изнеженности», обретении силы духа:

¹⁹ Боткина, А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве / А.П.Боткина. – М.: Просвещение, 1951. – С.236.

²⁰ Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л.Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – С.384.

²¹ Заплетина, С.Н. О проблеме социально-психологических рисков в контексте социальных неравенств в России / С.Н.Заплетина// Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Том 16. – №2(3). – С.525 – 529.

²² Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра / Г.Форд. – Пятигорск: «СНЕГ», 2012. – С.184.

«Пусть каждый американец вооружится против изнеженности... это наркотическое средство. Встаньте и вооружитесь, пусть слабые получают милостыню»²³. В этой связи весьма заметная ориентация либеральной части российского бизнеса рассматривать благотворительность как основную и практически единственную форму социальной ответственности представляется сомни-

тельной парадигмой развития национальной экономики и движения к социальному прогрессу, заявленного в Социальной хартии российского бизнеса.

²³ Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения.... – С.195.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PHILANTHROPY IN RUSSIA

© 2015 S.N.Zapletina^o

Samara State Aerospace University

The article presents the results of a theoretical analysis of the phenomenon of psychosocial philanthropy, interdependence of psychic form of ethnic identity and motives of charity in Russia in historical context, the author sets out ideas of conceptual approaches to philanthropy as a social and spiritual creativity of an individual and social technology of social-oriented business on the path to sustainable development and progress.

Keywords: charity, psychic form of self-awareness, social and moral motivation, effective social technology, social responsibility of business, social progress.

^o Svetlana Nikolaevna Zapletina, Candidate of pedagogy, Associate professor of Department of law and social systems. E-mail: zapletina@ssau.ru